

Внука Абэ-но Сэймэя звали Масахиро. Познакомиться с ним поближе им ещё не довелось, но с виду это был хрупкий, застенчивый юноша. Облачённый в пурпурный суйган, он стоял, понутив голову, и послушно внимал наставлениям помощника главы Онмё-рё. Зато у его ног вовсю резвился белый пушистый зверёк, с самым наглым видом снующий туда-сюда.

Ни Кэн, ни Митирё не отличались праздным любопытством, да и представить, чтобы в стенах Онмё-рё кто-то посмел обидеть отпрыска рода Абэ, было трудно. Понаблюдав за суматохой, они потеряли интерес, разошлись и вернулись к своим привычным делам.

Последнее время Кэн усердно штудировал хранящиеся в архивах свитки, посвящённые магии огня. За минувший год, направляемый подсказками Асакуры Хао и опираясь на научные знания из своей прошлой жизни, он сумел создать несколько заклинаний ветра и воды, работавших в строгом соответствии с законами физики.

Рассказать об этом кому-нибудь — ни за что бы не поверили. И всё же новые техники рождались именно в те моменты, когда он балансировал на грани жизни и смерти. За последние годы Кэн не только приобрёл богатый опыт изгнания демонов в земном мире, но и изрядно преуспел в игровых подземельях: тайную обитель Митама он зачистил уже до девятого яруса, а залы Пробуждения — до пятого.

С душами-митама дело шло относительно гладко. Хотя твари с каждым разом становились всё свирепее, их численность оставалась неизменной: три волны по три противника на каждом уровне. Кэн подозревал, что эти испытания созданы не столько ради добычи артефактов, сколько для того, чтобы закалить его в боях с самыми разными порождениями тьмы.

А вот подземелья Пробуждения превратились в форменное издевательство. Если на первом ярусе Кэну противостоял лишь один гигантский Кирин в сопровождении пяти приспешников, то на втором прихвостней стало уже десять, а на третьем — все двадцать! К счастью, в дальнейшем их число росло лишь на десяток за уровень, иначе на пятом Кэна просто захлестнуло бы волной монстров. Но даже сорок мелких тварей во главе с вожаком-Кирином едва не выжали из него все соки.

На покорение этого проклятого пятого яруса ушло долгих три месяца, и лишь пару дней назад Кэн с огромным трудом праздновал победу.

Заклинания стихий ветра и воды давались ему легче всего — к ним благоволила сама природа его духовной силы. Сочетая исцеляющие потоки с «Амулетом: Жизнь» и «Котодамой: Первым Стилем», он научился лечить раны на широком пространстве. Единственным досадным упущением оставалось то, что Кэн пока справлялся лишь с внешними повреждениями. Достичь вершин мастерства Хотаругусы, способной исцелять любые недуги, ему пока не удавалось.

К слову о Хотаругусе: год постоянного общения наконец-то принёс плоды. Шикигами ранга «R» всё больше походили на живых людей. Особенно Хотаругуса, которую Кэн призывал чаще

других. Несмотря на колоссальную сокрушительную силу, в душе она оставалась нежной и ласковой девочкой, бесконечно преданной своему хозяину, словно младшая сестрёнка.

Радовали и Додзи с Додзё. Когда сестрёнка-Додзё, забавно склонив голову набок, прошептала, что хозяин может погладить её крылышки, Кэн едва не расплакался от умиления.

«Они доверяют мне! Жизнь прожита не зря!»

Теперь, даже когда безумная Уси-но Токи с леденящим душу хохотом бросалась к нему в объятия, он находил в себе силы стоять на месте и не спастись бегством.

Это лишь укрепляло его решимость копить средства на заветный большой набор призыва.

Увы, разбогатеть быстро не получалось. Хотя Асакура Хао время от времени подбрасывал ему выгодные заказы, Кэн всё ещё оставался лишь скромным учеником. Да и сам Хао пока не стяжал широкой славы среди знати. Деньги водились, но после покупки свитков, дорогой бумаги, туши и заготовок для амулетов свободная монета таяла на глазах.

Кэн давно всё просчитал: размениваться на дешёвые наборы по три-пять амулетов не имело смысла — следовало набраться терпения и приобрести разом нечто грандиозное.

Огорчало лишь одно: ёкаи, которых он изгонял в последнее время, попадались мелкие и ничтожные. За целый год с них не выпало ни одной ценной вещицы, которую можно было бы выгодно сбывать Системе.

Кэн тряхнул головой, отгоняя праздные думы, и заново погрузился в чтение манускрипта, посвящённого стихии пламени.

Заклинания Огня и Грома пользовались у чародеев величайшим почётом — их разрушительная сила не оставляла нечисти шансов. Однако истинных мастеров среди них насчитывались единицы. Особо это касалось небесных молний: призывать их могли лишь те, чьё могущество граничило с божественным.

Пламя коварно и своенравно. Заурядные онмёдзи способны лишь воплотить крупницы духовной силы в огненном амулете и метнуть его во врага. Те, кто посильнее — вроде Сакуи или Митирё, — умели направлять пущенный снаряд. Но в руках Асакуры Хао стихия преображалась: огонь послушно принимал любую форму, становясь то разящим клинком, то всесокрушающим взрывом. Он мог мгновенно испепелить свирепого демона или ласково плясать на клочке тончайшей бумаги, не оставив на ней даже следа копоти.

Сила пламени чутко повиновалась малейшему движению его воли.

Главный урок, который Кэн усвоил от своего наставника, гласил: во всём важна незыблемая

основа. Хао как-то вскользь упомянул, что на заре своего ученичества наизусть зазубрил более тысячи огненных заклиний. Даже если их суть и свойства во многом перекликались, он дотошно исследовал каждое слово, пока они навсегда не отпечатались в его разуме.

Путь онмёдзи чужд лёгких троп. Весь секрет истинного могущества сводился к трём столпам: закалке духа, укреплению плоти и заучиванию тайных формул. Но именно эти простые правила становились неодолимой преградой для сотен искателей славы.

Кэн просидел в тишине книгохранилища до самого вечера. Когда багровое солнце коснулось вершин деревьев, а пустой желудок требовательно заурчал, тишину зала нарушил скрип открывающейся двери. Обернувшись, Кэн увидел давешнего юношу, на которого они с Митирё глазели утром. Паренёк шёл наугад, шатаясь под тяжестью огромной стопки книг.

— Ой-ёй, сейчас упадёт!

Из-за перегораживающих обзор томов Масахиро споткнулся и едва не полетел на пол. Книги выскользнули из его ослабевших пальцев.

— Ветры, ко мне! — раздался звучный голос.

Невидимый поток подхватил разлетающиеся свитки, а чья-то крепкая рука вовремя поддержала заваливающегося назад Масахиро.

— Осторожнее, прошу вас.

— Ах... С-спасибо... — пробормотал Масахиро.

Глядя на парящие в воздухе фолианты, он изумлённо вскинул глаза и встретился взглядом со своим спасителем — юношей лишь немногим старше его самого.

— Приветствую вас, господин Абэ, — Кэн лёгким жестом опустил летающие книги на ближайший столик. — Похоже, вам поручили прибраться здесь?

— Да... всё верно. Только, прошу, не называйте меня господином. Это как-то... непривычно.

Масахиро растерялся — сверстники редко выказывали ему подобную учтивость. Смущённо улыбнувшись, он потянулся было почесать затылок.

— Что же, тогда позвольте представиться. Моё имя — Кэн Фурукава, — юноша тепло улыбнулся застенчивому собеседнику. — А как мне величать вас? Внук достопочтенного Сэймэя?

— Не смей называть меня внуком Сэймэя! — вскинулся паренёк, точно дикий кот, у которого вздыбилась шерсть.

Но поймав ошеломлённый взгляд Кэна, он тут же густо покраснел до самых ушей. Человек только что спас его книги от падения, вежливо представился, а он в ответ так раскричался...

— М-меня зовут Масахиро Абэ... — запинаясь, выдавил он из себя. — Прошу... прошу любить и жаловать. И прости за грубость, я не сдержался.

— Всё в порядке, пустяки, — Кэн едва сдерживал улыбку.

Он негромко кашлянул, скрывая смешок. В этот момент из тени грациозной кошачьей походкой вышел тот самый белый зверёк и ехидно бросил своему хозяину:

— Дубина ты, Масахиро. Вечно всякую чушь несёшь.

— Малыш! — сердито шикнул на него тот.

— Какой... весёлый у вас шикигами, — Кэн забавлялся этой сценой.

Покачав головой, он принялся помогать Масахиро расставлять свитки на полках.

— Вы ведь впервые на службе в Онмё-рё?

— Д-да, всё так, — Масахиро, заворожённый тем, как легко Кэн укротил порывы ветра, сразу понял, что перед ним одарённый мастер. Он неловко переступил с ноги на ногу. — Но это моя работа, не стоит утруждаться. Я сам справлюсь.

— Не беспокойтесь, я ориентируюсь здесь куда лучше вашего. С моей помощью мы закончим вдвое быстрее, — Кэн ловко задвинул очередной свиток в нужную ячейку. — До меня доходили слухи, будто сам великий Сэймэй обучал вас на дому. Должно быть, вы превосходно владеете тайными искусствами?

Ответа не последовало. Удивлённый Кэн обернулся и увидел, что Масахиро застыл на месте с зажатой в руках книгой. Лицо паренька исказилось от досады, а брови сошлись на переносице так свирепо, что Кэн невольно подумал: будь его собеседник персонажем забавного рисованного свитка, над его головой сейчас наверняка вздулись бы багровые вены гнева.

Опередив вспышку раздражения юноши, Кэн поспешно примирительно поднял ладонь:

— Простите мою бестактность. Мне не следовало расспрашивать о подобном.

— А? — Масахиро растерялся, и гнев моментально испарился. — Нет-нет, я вовсе не сержусь на вас...

— Масахиро, ну какой же ты всё-таки глупый... — лениво зевнул Малыш.

Зверёк прекрасно понял, что Кэн просто пытался завязать дружескую беседу, и не ожидал, что этот недотёпа воспримет всё настолько близко к сердцу.

— Я лишь клонил к тому, что одарённому магу не стоит тратить время на пыльную работу, — Кэн непринуждённо перевёл разговор в иное русло. — Обычно таскать тяжести заставляют тех учеников, кто обделён талантом или только переступил порог Онмё-рё. Не позволяйте старожилам помыкать вами.

— Да ничего... Всё хорошо, — Масахиро польстило, что малознакомый юноша так заступает за него. Осознав, сколько нелепостей он успел наговорить за эти несколько минут, парень снова залился румянцем. — Я ведь здесь без году неделя, так что всё справедливо.

— Что ж, не буду лезть не в своё дело, — улыбнулся Кэн.

Внезапно поднявшийся сквозняк принёс из приоткрытого окна шлейф чуждой, зловещей скверны. Сердце Кэна тревожно сжалось, а брови невольно взлетели вверх. Он резко повернулся к выходу:

— Мне пора идти. Закончите поскорее и возвращайтесь домой.

Он на секунду задержался у порога:

— И не сворачивайте с больших улиц.

С этими словами он бережно опустил на полку последний свиток и стремительно выбежал наружу.

— Малыш... Кажется, он обиделся на меня, да? Что же теперь делать?... — удручённо вздохнул Масахиро, бережно сгребая зверька в охапку.

Тот ведь от чистого сердца помог ему устоять на ногах, вежливо заговорил, разложил тяжёлые свитки, а он в ответ нёс несусветную чушь, да ещё и накричал на беднягу...

— Да брось ты, не из обидчивых он, — Малыш устроился поудобнее на руках у мальчишки.

Зверёк обладал куда более острым умом, нежели незадачливый внук великого мастера, да и

расклад сил в палате Онмё успел изучить заблаговременно.

— Хотя болван ты порядочный, Масахиро. Языком молоть совсем не умеешь.

Вылетая во внутренний двор книгохранилища, Кэн нос к носу столкнулся с Митирё, который с бледным от напряжения лицом выбегал из соседнего крыла. Им не требовалось слов — одного взгляда хватило, чтобы понять масштаб надвигающейся беды. Митирё резко вскинул руку, призывая призрачный экипаж. Оборогурума возник прямо из воздуха, со свистом разрезая сгущающийся сумрак. Друзья запрыгнули внутрь, и призрачная повозка ураганом понеслась к императорскому дворцу.

Очаг зловещей ауры пульсировал в самом сердце Дайдайри. Какая бы из величественных палат ни подверглась нападению, долг обязывал дежурных магов первыми принять удар и оградить покой Сына Неба от порождений тьмы.

— Пламя охватило Сэйрёдэн?! — Кэн потрясённо вглядывался в багровое зарево, разгоравшееся впереди.

Императорскую обитель испокон веков защищали бесчисленные барьеры и священные печати. Мысль о том, что безжалостный монстр сумел беспрепятственно преодолеть эти рубежи, казалась безумием.

Экипаж ворвался во внутренний двор Сэйрёдэна, где уже метались перепуганные стражники. Не теряя драгоценных мгновений, Кэн и Митирё одновременно вскинули сложенные в ритуальных жестах пальцы, выкрикивая слова водного очищения. Плотные струи воды, насыщенные чистейшей духовной силой, обрушились на ревущее пламя. Огонь шипел и неохотно отступал под натиском стихии. На обгоревшие плитки террасы вместе со стоками хлынула вязкая, зловонная жижа — остатки чёрной скверны, питавшей этот неестественный пожар.

Но беда не приходит одна. Кэн поднял голову, всматриваясь вдаль: багровые искры разносились ветром, грозя поджечь соседние постройки. Одно из крыльев пожара стремительно приближалось к усадьбе могущественного регента Фудзивары-но Митинаги.

Оба юноши замерли, не делая ни шага вперёд. Защита владений этого клана издревле считалась исключительной прерогативой дома Абэ. Вмешательство посторонних онмёдзи без прямого призыва хозяев могло быть воспринято как оскорбление, способное навлечь на них гнев могущественного семейства.

<http://bllate.org/book/18244/1748199>